

ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ И СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ ЭКОНОМИКИ БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ X-МАТРИЦЫ

КСЕНЗОВА ВАЛЕНТИНА ЭДУАРДОВНА,

*кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики и управления,
Белорусский государственный экономический университет,
e-mail: ksenzova@list.ru*

КСЕНЗОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

*кандидат исторических наук,
доцент кафедры международного бизнеса,
Белорусский государственный экономический университет,
e-mail: sksenzov@mail.ru*

Дополнена концепция институциональных матриц. Проанализировано современное состояние институциональной среды Беларуси. Сделан вывод о необходимости компенсации устаревших форм базовых институтов X-матрицы релевантными ситуациями формами базовых институтов Y-матрицы.

Ключевые слова: институциональная матрица; институциональная среда экономики; институциональная структура экономики; институциональный цикл; переходный период; эволюция.

THE FEATURES OF EVOLUTION AND MODERN CONDITION OF THE INSTITUTIONAL ENVIRONMENT OF BELARUS ECONOMY IN THE X-MATRIX CONCEPT CONTEXT

KSENZOVA VALENTINA, E.,

*candidate of economic sciences (PhD),
associate Professor of the chair «Economy and management»,
Belarus State Economic University,
e-mail: ksenzova@list.ru*

KSENZOV SERGEY, V.,

*candidate of history sciences (PhD),
associate Professor of the chair «International Business»,
Belarus State Economic University,
e-mail: sksenzov@mail.ru*

The institutional matrix concept has been further developed. The current state of the institutional environment of Belarus has been analyzed. The authors arrived at the conclusion of the need to improve the obsolete form of the basic institutions of the X-matrix with the relevant sections of the Y-matrix basic institutions.

Keywords: institutional matrix; institutional economic environment; institutional economic structure; institutional cycle; transitional period; evolution.

JEL: A14, B52, N14.

Постановка проблемы

В настоящее время в экономике Беларуси предпринимаются достаточно масштабные попытки модернизации отдельных отраслей и производств (в частности, деревообрабатывающей и текстильной отраслей). Однако процессы модернизации сопровождаются высокими социальными издержками, связанными с серьезными транзакционными потерями, обусловленными нерациональным использованием выделяемых государством финансовых ресурсов. Эти негативные моменты во многом вызваны отсутствием адекватного понимания и объяснения объективно сформировавшейся институциональной среды и структуры белорусской экономики. Мы не ставим задачу рассмотреть все аспекты такого понимания и объяснения в силу сложности и многозначности необходимого теоретического исследования. Поэтому основные усилия сосредоточены на характеристике некоторых теоретико-методологических аспектов анализа, позволяющих выявить причины негативных тенденций в белорусской экономике и попытаться объяснить не только современное состояние институциональной среды последней, но и по возможности заглянуть в будущее. Современное состояние институциональной среды белорусской экономики во многом определяется объективными тенденциями ее эволюции на протяжении всего периода существования белорусского этносоциума. Для характеристики особенностей данной эволюции мы опираемся в методологическом плане на разработки таких известных российских ученых, как Л. Гумилев, С. Кирдина, О. Бессонова, Р. Нуреев, В. Вольчик.

Дополнение к концепции институциональных матриц

Существует теоретическая необходимость выявить различие и сопоставить между собой такие важные для данного теоретического анализа категории, как «институциональная матрица общества», «институциональная среда экономики», «институциональная структура экономики». Иерархическую соподчиненность институциональной матрицы, институциональной среды и институциональной структуры экономики можно представить следующим образом: в основе эволюции этносоциальных систем лежит тип институциональной матрицы как набора инвариантных базовых институтов. Это – фундамент, платформа, позволяющая четко идентифицировать социум как основанный либо на X-, либо на Y-матрице. Конкретная фаза этногенеза определяет, в каких более-менее устойчивых именно для данной стадии этногенеза формах эти инварианты себя проявляют. Эта совокупность исторических форм базовых институтов во всех основных сферах данного социума образует институциональную среду. Само понятие институциональных форм рассматривается С. Кирдиной. В частности, она отмечает: «В отличие от базовых институтов, сохраняющих свое содержание, институциональные формы мобильны, пластичны, изменчивы. Они представляют собой конкретные установленные образцы, способы, организации, в которых проявляется порядок взаимодействия социальных субъектов. К ним можно отнести законодательные акты, системы организации труда, формы хозяйственных связей, политические процедуры и т.п. Институциональные формы - это прямое или опосредованное внешнее выражение базовых институтов, задающих социетальную природу общества» (Кирдина, 2005. С. 83).

Мы считаем, что институциональная среда это и есть адекватная

данному историческому периоду совокупность (система) институциональных форм. Соответственно, институциональная среда может изменяться (и изменяется) в ходе эволюции конкретного этносоциума. А уже в зависимости от конкретно-исторического состояния институциональной среды формируется адекватная институциональная структура экономики с соответствующей иерархией и взаимосвязью элементов, включающих адекватное историческому моменту равновесное сочетание базовых и комплементарных институтов.

Институциональные матрицы – это базис, актуализированная в этносоциуме совокупность трех взаимосвязанных в человеке начал – духовного, биологического и социального. Исторический момент зарождения этносоциума и его активной экспансии и внедрения в окружающую его (и внешнюю по отношению к нему) природную и социальную среду является для становления институциональной матрицы определяющим, т.к. формирует в социуме духовно-идеологическое сопоставление личностного и коллективного начал, выявляет субординацию понятий «Я» и «Мы» внутри самого общества. В этом смысле в триаде основных базисных сфер институциональной матрицы этносоциума духовно-идеологическая сфера занимает ведущее место, определяя набор инвариантных базисных институтов в экономической и социально-политической сферах. Этносоциум получает (а вернее, сам вырабатывает внутри себя) главный идеологический императив – в «западных» Y-матрицах сущность «Я» оценивается социумом как более важная, чем сущность «Мы», в «восточных» X-матрицах – наоборот. Применительно к сущности «Они» эти два начала в этносоциуме выступают в нераздельном единстве, определяя границы самого этносоциума. Идеологический императив актуален только внутри отдельного социума, имеющего свою неповторимую историю появления, становления и эволюции.

Здесь нам хотелось бы несколько дополнить взгляды С. Кирдиной на выявленные ею ограничения в использовании концепции базовых институциональных матриц. В частности, она выражает некоторые сомнения в применении данной концепции относительно небольших государств: «... для анализа эволюции большинства государств теория институциональных матриц вполне приложима. В то же время ее применение имеет ограниченный характер в отношении, во-первых, догосударственных форм социальной организации (племен, родовых общин и др.). Во-вторых, теория слабо применима в отношении небольших стран, прежде всего, находящихся на границах групп государств с разным типом институциональных матриц (если государства находятся внутри группы однородных стран, теория институциональных матриц «работает» достаточно хорошо). Пограничный характер и относительно малые размеры определяют большую роль внешних факторов доминирования соседних стран в отношении «маленьких государств». Поэтому в разные периоды исторического развития они могут тяготеть то к одному, то к другому типу институциональной структуры. Это затрудняет выявление присущей им структуры базовых институтов» (Кирдина, 2005. С. 87).

На наш взгляд, ни размеры, ни «пограничность» этносоциума, оформленного в государственных границах (хотя и это не принципиально) не имеют значения с точки зрения формирования базовой институциональной матрицы. Как мы отметили выше, принципиальным является момент формирования духовно-идеологического императива.

Этносоциум – это актуализированное «поле» для выявления внутриличностной противоречивости сущностей «Я» и «Мы». В силу духовного несовершенства человека на данной стадии метаисторического развития человечества (т.е. на протяжении всей известной нам истории человечества) эти две сущности не просто не равнозначны – они противопоставлены друг другу. Путь прогресса человечества – это путь в первую очередь его духовного совершенствования через преодоление ограничений материального и социального плана. В противном случае бессмысленно само существование человека как триединой ипостаси. Актуализация в этносоциуме духовно-идеологического противопоставления сущностей «Я» и «Мы» – это первый и важнейший шаг, главный импульс последующего истинного прогресса (который недопустимо сводить к прогрессу социально-экономическому). Выявление противоречия – это уже условие его положительного разрешения. Совершенно очевидно, что человечество должно пройти этот путь преодоления противоречия между ценностью отдельного человека и ценностью всего человечества (проявляющейся через ценность адекватных историческому отрезку социумов). И здесь возможны только два варианта – встречное движение от «Я» к «Мы» или от «Мы» к «Я». Критерий разрешения данного противоречия – исчезновение сущности «Они» как внешней по отношению к дуализму «Я» и «Мы». Соответственно, появление этносоциума – это всегда актуализация рассмотренного выше противопоставления в той или иной форме.

В исторических рамках выявленного для данного социума процесса этногенеза невозможна смена всего духовно-идеологического императива под влиянием экзогенных факторов, в том числе и в виде давления соседних более крупных в территориальном отношении социумов. Это не исключает взаимопроникновения культур, в том числе и, например, через смешанные браки. Однако, во-первых, через ряд поколений происходит генетическая ассимиляция «чужой» культуры в потомках, которые и в силу физиологических, и (что еще более важно) в силу культурологических причин воспроизводят все-таки культуру и идеологические установки данного этносоциума. Во-вторых, если это не смешанные браки, а браки «чужаков» между собой на территории данного этносоциума, то довольно четко сохраняется (и воспроизводится) граница двух культур, что, возможно, еще более наглядно демонстрирует различие этносоциумов. Причем это различие сохраняется даже при условии родственности базисных матриц. А если в данный этносоциум в виде браков «чужаков» между собой «приходит» культура из противоположной матрицы, то это различие еще более явное и часто – достаточно враждебное. В этом случае речь не идет об ассимиляции, что наглядно демонстрирует современный опыт стран Западной Европы, привлекая в свое время большое количество иностранной рабочей силы из мусульманских стран.

Размеры этносоциума здесь не играют никакой роли. В этом смысле концепция С. Кирдиной применима к любому реально существующему этносоциуму независимо от его «масштабности» и удаленности от других этносоциумов. Более мощные в различных аспектах государства могут пытаться включить соседние небольшие страны и социумы в сферу своего политического и культурного влияния, и даже насильно внедрять свои институты. Но это не приведет к переориентации духовно-идеологического императива. Малый этносоциум может приспособиться, внедрив базовые

институты из противоположной матрицы в свою институциональную структуру в качестве важных, но комплементарных. В худшем варианте малый этносоциум будет просто уничтожен и заменен другим с иным духовно-идеологическим императивом. Но это будет уже совсем другая история другого народа.

Поэтому появление этносоциума, сопровождающееся формированием определенного духовно-идеологического императива, предполагает и формирование адекватной базисной институциональной матрицы с соответствующими базисными институтами. А уже конкретные исторические и географические обстоятельства формируют неповторимую и меняющуюся институциональную среду. Последняя (если применить образное сравнение) представляет собой «почву», на которой «произрастает» адекватная ей флора и фауна. И нельзя на песчаной почве вырастить большое количество влаголюбивых растений. Однако со временем можно несколько изменить наполняемость самой почвы, не имея возможности изменения климатической зоны.

И западная, и восточная институциональные матрицы (соответственно – Y- и X-матрицы) имеют определенный набор инвариантных базисных институтов. При этом важнейшей характеристикой матрицы является специфика сочетания базисных и комплементарных институтов – комплементарные институты никогда не вытесняют и не заменяют собой базисные, они лишь дополняют последние и временно замещают их. Причем масштабы этого дополнения и временного замещения зависят от стадии институционального цикла. Любая попытка экзогенного субъективного вмешательства с целью полной замены базисных институтов комплементарными обречена на провал и ослабление этносоциума в силу неизменности духовно-идеологического императива.

Этнос – этносоциум - этногенез

Применительно к Беларуси базисной является X-матрица, или матрица «восточного» типа. Она сформировалась в период становления белорусского этносоциума в VIII-XII вв. Соответственно, базисные институты Y-матрицы для нашего этносоциума могут быть только комплементарными и никогда не станут базисными, т.к. это противоречит духовно-идеологическому императиву белорусского народа.

Белорусский этносоциум зародился много столетий назад и имеет более чем тысячелетнюю богатейшую и насыщенную многочисленными событиями историю. Эволюция белорусского общества как цельного исторического субъекта подчиняется некоторым общим закономерностям, описанным в теории этногенеза Л. Гумилева. Используя свою концепцию пассионарных толчков, Л. Гумилев определяет само понятие «этнос» и выделяет несколько ключевых фаз в этногенезе любого этносоциума. Мы позволим себе вместо категории «этнос» в данном исследовании использовать категорию «этносоциум», т.к. никакой этнос не развивается вне определенным образом структурированного (в социальном аспекте) сообщества. Разница двух категорий лишь предполагает разницу акцентов в изучении эволюции конкретного общества, не предполагая принципиального сущностного различия. Категория «этнос» делает акцент на биолого-географической составляющей, а категория «этносоциум» - на социальной составляющей в ее широком аспекте (включая духовно-

идеологическую и экономическую). Поэтому закономерности этногенеза – это одновременно и закономерности эволюции этносоциума.

Этногенез Л. Гумилев характеризует следующим образом: «... этногенез, т.е. творческое преобразование этнических коллективов и сопутствующее ему антропогенное видоизменение ландшафтов, происходит на поверхности земли то тут, то там, своего рода толчками, после чего следуют периоды затухающей инерции, переходящие в устойчивое состояние равновесия между этносами и окружающей географической средой» (Гумилев, 1967. С. 105).

Особенность и неповторимость историко-географических условий появления и становления каждого этносоциума формирует своеобразное сочетание форм базисных инвариантов как специфическую для данного этносоциума институциональную среду. Л. Гумилев определяет это явление как внутреннюю структуру этноса: «Каждый этнос имеет свою собственную внутреннюю, практически неповторимую структуру и стереотип поведения... Внутренняя структура этноса - это строго определенная норма отношений между коллективом и индивидом и индивидов между собой. Эта норма негласно существует во всех областях жизни и быта, воспринимаясь в данном этносе и в каждую отдельную эпоху как единственно возможный способ общежития. Поэтому для членов этноса она не тягостна, так как она для них незаметна. И наоборот, соприкасаясь с иной нормой поведения в другом этносе, каждый член первого этноса удивляется, теряется и пытается рассказать своим соплеменникам о чудачествах другого народа» (Гумилев, 1970. С. 48).

Концепция этногенеза позволяет выявить еще одну важную особенность эволюционного процесса экономической системы этносоциума – этапы эволюции институциональной среды находятся в иной плоскости, чем институциональные циклы в эволюции непосредственно экономической системы. Между ними существует тесная взаимосвязь, но эволюция институциональной среды и эволюция институциональной структуры экономики имеют каждая свою траекторию. При этом характер протекания различных фаз институциональных циклов экономики определяется особенностями конкретной исторической фазы в развитии институциональной среды. В свою очередь специфика совокупности конкретно-исторических форм базовых институтов зависит от фазы этногенеза, определяющей степень пассионарности этносоциума, т.е. его готовность к серьезным преобразованиям в различных сферах жизнедеятельности. Без учета этого важного факта невозможно прогнозировать интенсивность и глубину трансформаций в данном обществе, адекватно оценить потенциал «отражения» в обществе предпринимаемых экзогенно усилий по реализации тех или иных масштабных преобразований (в частности, масштабной модернизации экономики).

В самом общем виде согласно идее пассионарности в этногенезе выделяется несколько типичных фаз: «Формирование нового этноса всегда начинается одной особенностью: непреодолимым внутренним стремлением небольшого числа людей к крайне активной целенаправленной деятельности, всегда связанной с изменением окружения (этнического или природного), причем достижение этой цели, часто иллюзорной или губительной для самого субъекта, представляется ему ценнее даже

собственной жизни» (Гумилев, 1970. С. 43).

Если исторические обстоятельства оказываются благоприятными, то сформировавшийся этносоциум с точки зрения напряжения пассионарности проходит следующие фазы своей эволюции: подъем, акматическая фаза, фаза надлома, инерционная фаза и фаза обскурации (Гумилев, 2010. С. 81). В среднем этногенез – это исторический процесс протяженностью около полутора тысяч лет (с погрешностью в 200-300 лет). Если учесть, что белорусский этнос сформировался к XII веку, то наше общество сейчас находится на инерционной фазе. Это необходимо учитывать при проектировании различных модификаций и модернизаций в обществе.

Что же наиболее типично в поведении усредненного члена этносоциума на данной фазе? На данной фазе устанавливается определенный стиль жизнедеятельности, соответствующий довольно низким параметрам общей пассионарности в обществе. Л. Гумилев такой стиль определяет как «порядок, который обеспечивает возможность спокойно жить и существовать в меру своих обязанностей, никогда не претендуя на достижение решающего успеха. И даже лучше вообще не стремиться к слишком большому успеху. Этот императив является естественной реакцией на те кровавые излишества, на те ужасы, которые люди пережили в предыдущую эпоху, поэтому он встречает большое одобрение основной массы населения: подавляющее большинство предпочитает любую регламентацию, позволяющую надеяться на защиту от произвола сильных, поэтому отличительной чертой инерции является сокращение активного пассионарного элемента и полное довольство эмоционально пассивного и трудолюбивого обывателя» (Гумилев, 2010. С. 282-283). Соответственно данной фазе этногенеза формируется и адекватная институциональная среда общества.

Специфика белорусского переходного периода

Сравнительно низкая степень пассионарности белорусского этносоциума проявляется в низкой активности хозяйствующих субъектов в вопросах кардинальных экономических преобразований. В такой неформальной среде сложно рассчитывать на быструю и сильную реакцию, адекватную внешним толчкам в виде централизованно принимаемых распоряжений, постановлений и т.п. Вся энергия участников экономических процессов сосредоточена главным образом на быстром получении личных выгод. И часто эти выгоды в условиях централизованного распределения финансовых ресурсов легче получить через оппортунистическое поведение, чем через высокопроизводительный труд. Поэтому значительное место в сложившейся институциональной среде имеют определенные формы оппортунистического поведения в виде «откатов», «распилов», взяток, «блата» при устройстве на рабочие места, «кумовства» и т.п. Причем масштабы такого поведения по отношению к отдельной личности невелики, что также отражает невысокую степень пассионарности социума и соответствует инерционной фазе этногенеза. Последнее обстоятельство порождает и такую специфическую особенность институциональной среды белорусского этносоциума как достаточно низкую социально-политическую активность. Это проявляется практически в полном отсутствии реально действующих организаций и движений гражданского общества. И данное явление не связано с какими-то официальными запретами и ограничениями – в самом

обществе нет внутренней энергии для активной социально-политической жизни. Снижение внутреннего духовного напряжения проявляется, в частности, в высокой степени алкоголизации населения страны, низкой рождаемости и т.п.

В экономике усиливается централизованное регулирование с целью компенсации снижения хозяйственной активности «на местах», государство укрепляет свою роль главного и самого активного экономического субъекта. В этом проявляется несколько гипертрофированная направленность базисного института редистрибуции. Данный институт является объективно обусловленным, что не исключает гибкости в его применении в условиях сложного периода трансформации институциональной структуры экономики. Этот институт не должен вытеснять комплементарные институты рынка. И в конкретных условиях инерционной фазы государство, напротив, должно инициировать их более активное внедрение в экономику, т.к. не может само осуществлять компенсационную деятельность на всех уровнях хозяйствования. Рыночные институты объективно призваны повышать хозяйственную активность в силу своих атрибутов в виде экономической ответственности частного предпринимателя и конкуренции. В настоящее время, с учетом того важного обстоятельства, что общество находится на стадии поиска новых форм базовых институтов, остро стоит проблема адекватного сочетания базовых и комплементарных институтов для достижения адекватного периоду состояния институционального равновесия. Закономерность такова, что в переходные для циклического развития институциональной структуры экономики периоды комплементарные институты в этой структуре начинают (и должны) занимать большую «долю» по сравнению с периодами подъема и «расцвета», ибо выполняют важнейшую компенсаторную функцию.

Данный переходный период является как минимум третьим для белорусской экономики в истории циклического развития ее институциональной структуры. Вообще переходный период является, пожалуй, самой актуальной и проблемной фазой институционального цикла в развитии экономики конкретного общества. Он включает в себя фазу трансформации экономической системы под давлением многих противоречий, в том числе и в силу напряжения системы за счет иногда беспрецедентного роста трансакционных издержек перестройки внутренней институциональной структуры данной системы.

На фазе спада или обострения конфликтов, связанных с тем, что институциональная среда перестает соответствовать запросам изменяющейся материально-технологической и социально-экономической ситуации, начинается процесс нарастания трансакционных издержек. Главным образом за счет роста издержек защиты прав собственности у различных социальных групп со специальными или общими экономическими интересами. В итоге издержки (особенно при достижении точек бифуркации) становятся столь масштабными, что отвлекают значительную часть экономических ресурсов страны и фактически способствуют углублению экономического кризиса. Объективно возникает необходимость трансформации институциональной структуры социума, требующей поиска новых прогрессивных форм базовых институтов и новой более прогрессивной системы спецификации прав собственности на ограниченные ресурсы. Период трансформации – это также период

повышенных транзакционных издержек данного вида, так как они включают в себя фактически соответствующие транзакционные потери, инициированные на предыдущих фазах спада и кризиса институциональной системы.

Именно переходные периоды, периоды трансформации институциональной структуры экономики, являются наиболее сложными и важными для социума, так как определяют дальнейшую траекторию его развития. Поэтому в экономической литературе особое внимание уделяется изучению именно переходных периодов. В частности, белорусский экономист П. С. Лемещенко справедливо отмечает: «Выдвижение переходного периода в качестве самостоятельной эпохи или периода, во-первых, однозначно фиксирует пространственно-временные особенности объекта исследования, которым является экономика во всех ее проявлениях, как нестандартного, требующего объяснения. Во-вторых, активизирует поиск новых подходов и инструментов к анализу этого феноменального явления. В-третьих, понятие «переходный период» фокусирует внимание на динамичности развития социально-экономических процессов. В-четвертых, особую актуальность приобретают качественные методы исследования» (Лемещенко, 2002).

Начиная с 90-х гг. и по настоящее время белорусская экономика с огромными трудностями преодолевает очередной переходный период. Несмотря на определенное метаисторическое предназначение базовых институтов рыночной экономики как «чуждых» X-матрице, эти институты в качестве комплементарных выполняют важнейшую роль балансирующей институциональную структуру элементов. В переходные периоды их значимость объективно возрастает, не давая всей системе разрушиться под давлением деструктивных тенденций. Весьма важно в этот период обеспечить условия для активного внедрения в институциональную структуру этих комплементарных институтов, что под силу только государству. Специфическая роль государства заключается в своеобразной компенсации устаревших форм базовых институтов X-матрицы релевантными ситуации формами базовых институтов Y-матрицы. В противном случае возможны два нежелательных последствия для экономики: либо неконтролируемое проникновение этих институтов в криминальных формах, либо полное подавление любого их проникновения. И то, и другое может нанести экономике невосполнимый ущерб. В первом случае захват криминальными структурами через практически неконтролируемую приватизацию, например, важных ресурсодобывающих отраслей (нефть, газ и т.п.) ведет к оттоку за рубеж огромных валютных и финансовых ресурсов. Во втором случае происходит «разбазаривание» через оппортунистическое поведение централизованно выделяемых финансовых ресурсов государственным предприятиям, научным коллективам для реализации государственных программ и т.п. Количественная оценка ущерба требует отдельного серьезного исследования.

К сожалению, субъективно, основные усилия белорусского государства направляются на поддержку именно государственных предприятий, на сохранение ведущей роли за государственной собственностью и централизованным перераспределением ограниченных ресурсов. Отрицательные последствия такой экономической политики усугубляются низкой степенью пассионарности в обществе. Последняя, в рамках духовно-идеологического императива X-матрицы инициирует у

хозяйствующих субъектов опасную в своих масштабах пассивность.

Отдельный хозяйствующий субъект воспринимает себя как внутренне включенный в определенное экономическое сообщество, решения которого являются первостепенными по отношению к его собственным целям функционирования. Всей системой идеологии он воспитан так, что его личные желания и устремления второстепенны для общества, а поэтому общество отслеживает через формальные институты адекватность его экономического поведения поставленным в данный момент более общим целям и задачам. Т.е. субъект на своем микроэкономическом уровне лишен возможности самостоятельно определять конечную цель своей хозяйственной жизнедеятельности, реализующую его сугубо субъективный экономический интерес, без учета соответствия этой цели и этого интереса интересам всего социума. Это на любой стадии этногенеза негативно влияет на осознание отдельным субъектом своей персональной (в первую очередь перед самим собой) ответственности за принимаемые решения. На фазе же инерции степень персональной ответственности снижается еще больше. Задача хозяйствующего субъекта в таких условиях – максимально защитить себя, оградить от претензий со стороны центра при реализации решений, принятых этим центром. Вопрос конечной эффективности его мало волнует, т.к. у него не сформирован долгосрочный экономический интерес в повышении этой эффективности. Не являясь полноправным собственником, субъект, управляющий деятельностью отдельного предприятия, либо отдельной отрасли и т.п., четко различает свой эгоистический экономический интерес и интерес общества в отношении данного подразделения. Общая экономическая закономерность такова, что каждый субъект в любой экономической системе стремится максимизировать собственную выгоду в той или иной форме. В X-матрице это объективно создает неформальное противопоставление личного и общественного интереса. На инерционной фазе это противопоставление углубляется, т.к. и так низкая активность в большей части сосредотачивается на реализации собственных эгоистических устремлений, часто идущих вразрез с интересами общества, провозглашаемыми центром. Отсюда – широкое распространение тех негативных оппортунистических тенденций, о которых речь шла выше. Для смягчения данного противопоставления есть только один способ – найти такие формы организации бизнеса, при которых в максимально возможной степени будет наблюдаться однонаправленность личного и общественного интереса. В противном случае все мероприятия по модернизации экономики обречены на провал в тех отраслях и сферах, где не преодолено данное противостояние.

Еще одна особенность траектории развития институциональной среды белорусской экономики заключается в том, что низкая активность субъектов хозяйствования заставляет импортировать эту активность в виде иностранных инвестиций в предпринимательской форме. Поэтому в белорусской экономике важнейшее место занимает и будет в дальнейшем занимать активизация процессов привлечения иностранных инвестиций не только в силу нехватки собственных финансовых ресурсов, но и по причине нехватки внутренних импульсов для активного внедрения комплементарных рыночных институтов. Одновременно формируется объективная необходимость привлечения и адекватной иностранной рабочей силы – носителя дополнительной пассионарности.

Выводы

Институциональная структура белорусской экономики в настоящее время является не до конца оформленной с точки зрения ее обновления, инициированного институциональным кризисом первой половины 90-х гг. XX века. Сейчас идет достаточно вялый процесс поиска новых форм базовых институтов. Все эти инварианты сохраняются, и, может быть, как нигде больше, именно в белорусской экономике проявляют себя наиболее очевидно и показательно. Однако здесь есть одна важная особенность. В период обострения институционального кризиса 90-х гг. XX века, в силу нахождения общества (и экономики – в том числе) на инерционной фазе процесса этногенеза, не был в адекватной степени задействован потенциал комплементарных институтов. Кризис слишком быстро завершился, не актуализировав в необходимой степени эти институты. С одной стороны, институциональная среда этому не способствовала, с другой – вместо инициирования процессов модификации институциональной структуры экономики в сторону усиления действия компенсаторных институтов из базисной Y-матрицы, государство поторопилось возродить прежние формы базовых институтов с небольшими вариациями, максимально не допустив комплементарные институты в свою экономику. Можно утверждать, что кризисные тенденции в отношении институциональной структуры экономики не исчезли, не были преодолены, они просто приняли латентный характер. Те формы базисных институтов, которые фактически вводятся государством, не появились как адекватная концу переходного периода замена сыгравших свою роль комплементарных институтов. Это, наряду со спецификой институциональной среды, дополнительно усложняет реальные преобразования в экономике на базе внедрения новейших достижений науки и техники. Этому не способствуют ни низкая активность хозяйствующих субъектов, ни используемые неэффективные формы базовых инвариантов. Таким образом, решение проблемы структурной перестройки экономики и ее модернизации невозможно (в условиях сложившейся объективно институциональной среды) без адекватной политики государства по изменению институциональной структуры экономики в сторону более активной имплантации компенсаторных комплементарных институтов. С другой стороны, экономика нуждается в более энергичных субъектах хозяйствования, т.е. в импорте пассионарности через привлечение, как иностранного капитала, так и адекватной иностранной рабочей силы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бессонова О. Э.* (1999). Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН. (<http://ie.boom.ru/Bessonova/Mon2.htm>).
- Вольчик В. В.* (2009). Эволюция российского института собственности. *Политологическая концептология*, № 1, с. 164-165.
- Гумилев Л. Н.* (1967). Этнос как явление. *Доклады Географического общества СССР*, вып. 3, с. 90-107.
- Гумилев Л. Н.* (1970). Этногенез и этносфера. *«Природа»*, № 2, с. 43-50.
- Гумилев Л. Н.* (2010). Конец и вновь начало: Популярные лекции по народонаселению. М.: АСТ: Астрель.
- Кирдина С. Г.* (2001). Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск, ИЭ и ОПП СО РАН.

Кирдина С. Г. (2004). "X- и Y-экономики: институциональный анализ. (<http://kirdina.ru/book2/intro.shtml#page3>).

Кирдина С. Г. (2005). Теория институциональных матриц (пример российского институционализма. Постсоветский институционализм. Под ред. проф. Р. М. Нуреева и В. В. Дементьева. Донецк: Каштан, с. 75-101.

Лемешенко П. С. (2002). Переходный период в контексте институционально-эволюционной теории. *Философия хозяйства*, № 3, с. 179-193. (<http://newpoliteconomy.org/publications/articles/220.pdf>).

Нуреев Р. М. и Латов Ю. В. (2009). Россия и Европа: эффект колени (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград: Издательство Российского государственного университета имени И. Канта.

REFERENCES

Bessonova O. E. (1999). Distribution: the institutional theory of the Russian economic development. Novosibirsk. The Book. (in Russian).

Volchik V. V. (2009). The evolution of the Russian power-property institution. *Political Conceptology*, no. 1, pp. 164-165. (in Russian).

Gumilev L. N. (1967). Ethnos as the Phenomenon. *Reports of the Geographical Society of the USSR*, vol. 3, pp. 90-107. (in Russian).

Gumilev L. N. (1970). Ethnogenesis and ethnosphere. *"Nature"*, no. 2, pp. 43-50. (in Russian).

Gumilev L. N. (2010). The end and again the beginning: popular lectures on the population. M.: AST: Astrel. (in Russian).

Kirdina S. G. (2001). Institutional Matrix and Development in Russia. Novosibirsk: IE OPP RAS. (in Russian).

Kirdina S. G. (2004). X- and Y-economy: institutional analysis. (<http://kirdina.ru/book2/intro.shtml#page3>). (in Russian).

Kirdina S. G. (2005). The theory of the institutional matrixes (an example of the Russian institutionalism). PostSoviet Institutionalism. Ed. by R. M. Nureev and V. V. Dementyev. Donetsk: Kashtan, pp. 75-101. (in Russian).

Lemeshchenko P. S. (2002). The Transition Period in a Context of the Institutional -Evolutionary theory. *Philosophy of Economy*, no. 3, pp. 179-193. (<http://newpoliteconomy.org/publications/articles/220.pdf>). (in Russian).

Nureev R. M. and Latov Y. V. (2009). Russia and the Europe: Path dependence effect (the Institutional analysis experience of the economic development history). Kaliningrad: Publ. house of the Russian State University of Immanuel Kant. (in Russian).